

LII

БОРЬБА С ГОЛОДОМ. ЗАКОН О МАКСИМУМЕ. АССИГНАЦИИ

Для всякой революции одним из главных затруднений является вопрос, как прокормить большие города. Большие города представляют теперь центры различных отраслей промышленности, работающих главным образом для удовлетворения потребностей богатых людей и для вывоза за границу; и в обеих этих отраслях, как только начинается революционное брожение, производство сокращается. Открывается кризис; и тогда выступает грозный вопрос: как прокормить большие города и крупные промышленные центры?

Так и было во Франции в эти годы. Эмиграция, война, особенно война с Англией, приостановившая вывоз и морскую торговлю, которой жили Марсель, Нант, Бордо, Лион и т. д., наконец, чувство, общее всем богатым, - боязнь выказывать свое богатство во время революции - все это быстро сократило производство предметов роскоши и торговлю ими.

Крестьяне, особенно те, которые овладели землей, работали упорно на ней. «Никогда еще не было такой пахоты, как осенью 1791 г.», - говорил Мишле. И если бы урожай был хороший в 1791, 1792 и 1793 гг., в хлебе не было бы недостатка. Но с 1788 г. во всей Европе, а особенно во Франции, переживали ряд неурожайных годов: зимы стояли холодные, а летом мало было солнца. В сущности, за все эти годы был только один урожайный год, 1793, и то только в половине Франции. В некоторых департаментах был даже избыток хлеба. Но когда этот избыток, а равно и перевозочные средства потребовались для войны, в большей половине Франции начался голод. Мешок пшеницы, стоивший до того 50 ливров (франков) в Париже, дошел до 60 ливров в феврале 1793 г., до 100 и до 150 - в мае.

Хлеб, стоивший прежде 3 су за фунт (около 6 коп.), поднялся теперь до 6 су и даже до 8 су в городках около Парижа. На юге, где хлеба плохо родятся из-за засухи, стояли совсем голодные цены: хлеб доходил до 10 и до 12 су за фунт. В городе Клермоне, в Пюи-де-Доме за фунт хлеба платили 16 и 18 су (32 и 36 копеек). «В наших горах терпят самую жестокую нужду, - писали в «Мониторе» 15 июня 1793 г. - Администрация раздает по гарнцу пшеницы на душу, и каждому приходится ждать два дня своей очереди».

Так как в начале 1793 г. Конвент еще ничего не предпринимал, то в восьми департаментах вспыхнули восстания и народ сам стал назначать таксу на хлеб и другие припасы. Всесильные комиссары Конвента были вынуждены тогда уступать перед восставшим народом и стали назначать таксу, требуемую населением. Быть хлеботорговцем стало опасным занятием.

В Париже вопрос о том, как прокормить 600 тыс. человек, дошел до полного трагизма. Действительно, если бы хлеб остался на той высокой цене, до которой он доходил некоторое время, неизбежно произошло бы восстание, и тогда разве только картечью можно было бы остановить народ от грабежа. Поэтому Парижская коммуна, все более и более должая государству, тратила каждый день от 12 тыс. до 75 тыс. ливров, чтобы снабжать хлебников мукой и удерживать хлеб в известной цене. Правительство же со своей стороны назначало, сколько зерна каждый департамент и каждый кантон (волость) должны были доставить в Париж. Но сельские дороги были в ужасном виде, а лошади были забраны на военные потребности.

Все цены росли в той же пропорции. Фунт мяса, стоивший прежде 5 или 6 су, продавался теперь за 20 су (около 40 коп.), за сахар платили до 90 су за фунт, за сальную свечку - 7 су. Сколько ни принимали мер строгости против спекуляторов, ничто не помогало. После изгнания жирондистов Коммуна добилась от Конвента закрытия парижской биржи (27 июня 1793 г.); но это не остановило биржевой игры, и спекуляторы, одетые в особый наряд, собирались кучами в Пале-Рояле и ходили бандами по улицам вместе с публичными женщинами, насмехаясь над нищетой народа.

8 сентября 1793 г. Парижская коммуна, доведенная наконец до озлобления, велела опечатать все банкирские конторы и конторы «торговцев деньгами». Сен-Жюст и Леба, посланные Конвентом в департамент Нижнего Рейна, приказали уголовному суду снести дома каждого, кто будет уличен в ажиотаже на ассигнации (покупка денежных знаков для перепродажи). Но спекуляторы, конечно, находили тогда новые пути.

В Лионе положение было еще хуже, чем в Париже, так как муниципалитет, в котором заседали немало жирондистов, не принимал никаких мер, чтобы помочь народной нужде. «Теперьешнее население Лиона доходит по меньшей мере до 130 тыс. душ, - писал Конвенту его комиссар Колло д'Эрбуа от 7 ноября 1793 г. - Наше положение по отношению к провианту отчаянное... Скоро начнется голод»